
В. В. Балытников,
кандидат юридических наук,
директор Центра исследований
проблем территориального
управления и самоуправления

V. V. Balytnikov,
LD, Director of the Center for Territorial
Government and Self-Government
balytnikov@mail.ru

DOI: 10.24412/1608-8794-2023-2-197-203

НЕКОТОРЫЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ (В ТОМ ЧИСЛЕ НЕЙРОСЕТЕВЫХ) СИСТЕМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНТРОЛЯ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРЕДЕЛОВ СВОБОДЫ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

***Аннотация:** статья посвящена принципиальным основополагающим началам использования электронных (в том числе нейросетевых) систем контроля и пресечения злоупотребления свободой массовой информации. Автор постулирует три важнейших, на его взгляд, принципа такого использования. Таковыми являются: принцип подтверждения выводов электронных систем людьми; принцип конституционно-правовой ориентированности работы электронных систем; принцип обеспечения доказательной силы получаемых в виде электронных документов результатов работы электронных систем. Последний из указанных принципов прямо корреспондирует конституционному принципу недопустимости цензуры.*

***Ключевые слова:** средства массовой информации, пределы свободы информации, электронные системы, предварительный контроль.*

SOME PUBLIC LAW ASPECTS OF THE USE OF ELECTRONIC SYSTEMS (INCLUDING NEURAL NETWORK) FOR ENSURING CONTROL OVER COMPLIANCE OF THE LIMITS OF INFORMATION FREEDOM AT THE SPHERE OF MASS MEDIA

***Abstract:** the article is devoted to the fundamental principles of using electronic systems (including neural networks) to control and suppress the abuse of rights at the sphere of mass media. The author postulates three most important, in his opinion, principles of evaluation in this area. It's the principle of confirming the conclusions of an electronic system by a person, the principle of constitutional orientation of the functioning of electronic systems, the principle of approbation and giving force of evidence for the results of the operation of electronic systems obtained in the form of electronic documents. The last of these principles directly corresponds to the constitutional principle of the inadmissibility of censorship.*

***Keywords:** mass media, limits of information freedom, electronic systems, preliminary control.*

В настоящее время в медиасфере (как и во всех иных сферах социального бытия) поистине взрывообразное распростра-

---

нение получают самого разного рода технические и технологические решения, связанные с установлением и осуществлением всеобъемлющего электронного онлайн-контроля и надзора за соблюдением действующего законодательства. Максимальное удобство и высочайшая практическая эффективность подобного рода систем, позволяющих осуществлять поистине всепроникающую и всеохватывающую контрольно-надзорную деятельность, – абсолютно очевидны и в силу этого не нуждаются не только в доказывании, но и в сколь-либо подробном описании (ибо каждый современный человек встречается и взаимодействует с указанными системами при любом своем появлении в любом общественном пространстве – к коему, кстати, в полной мере относится и медиа-пространство). Хочется надеяться, что равным образом очевидным (в особенности для законодателя и правоприменителей, наипаче же – для уважаемых коллег-исследователей соответствующих проблем правового регулирования) является и необходимость осознания того, что описанные электронные системы должны стать объектами подробной и тщательно проработанной публично-правовой (и прежде всего – законодательной) регламентации (как со стороны государства, так и со стороны профессионального медиа-сообщества) [1].

Это особенно актуально в условиях, когда, например, на прошедшей 19-20 марта 2023 г. Второй Международной парламентской конференции «Россия-Африка» представители отечественных производителей соответствующих цифровых систем электронного контроля и пресечения противоправной информационной активности в сетевой медиа-среде в качестве важнейшего достоинства своей продукции отмечали их полную (в отличие от западных аналогов) подконтрольность государствам-приобретателям (имеется в виду представление покупателям полностью открытого исходного кода и других гарантий отсутствия в системе «черных ходов», «тайных ключей» и прочих средств удаленного (и утаенного от администраторов) контроля над приобретаемыми программными продуктами, наличие какого является характерной чертой для аналогичных продуктов западных компаний) [2].

Хотелось бы отдельно отметить, что несмотря на очевидно высокий уровень соответствующих систем (в особенности – функционирующих на так называемой «нейросетевой» основе), по меньшей мере преждевременно (а с моей точки зрения – и вовсе невозможно) говорить о них как некоем проявлении так называемого «искусственного (человекоподобного) интеллекта». Причем это верно независимо от того, понимаем ли мы под указанным термином «сильный» или

«слабый» искусственный интеллект (вернее – «сильное» или «слабое» допущение об отождествлении указанного понятия с интеллектом человека). Да, в сфере IT распространено представление о нейросетях как о носителях (хранителях) так называемых «искусственных (компьютерных) форм интеллекта». В качестве примера такого подхода можно привести выдаваемый в интернет-поисковой системе Google в качестве образцового русскоязычного определения искусственного интеллекта мини-гайд компании «Oracle» «Что такое ИИ? Подробнее об искусственном интеллекте». В нем, в частности, сказано: «Если упростить, искусственный интеллект (ИИ) – это система или машина, которые могут имитировать человеческое поведение, чтобы выполнять задачи, и постепенно обучаться, используя собираемую информацию.» [3].

Однако на деле ключевой в этом «определении» является именно фраза «если упростить». Построенное, в сути, именно вокруг данной фразы, процитированное выше определение на деле скорее подтверждает вывод о том, что системы ИИ, несмотря на название, носителем интеллекта не являются – что полностью подтверждается общим мнением профильных специалистов. Автору настоящей статьи доводилось неоднократно беседовать с русскоязычными сотрудниками «Oracle» – причем именно с сотрудниками, занимающимися исследованиями в сфере разработки, внедрения и использования искусственного (прежде всего – нейросетевого) интеллекта (в том числе с российскими сотрудниками, работающими в зарубежных подразделениях «Oracle»). Абсолютно консолидированное (то есть единогласное) *communis opinio doctorum* в данном случае единогласно говорит о том, что приравнивание нейросетевых структур к человеческому интеллекту на деле никоим образом невозможно. Так называемый «ИИ» не только в своем современном технологическом состоянии, но и в самой основе своего построения и функционирования не является никаким «умением думать» (в человеческом смысле этого слова). «Искусственный интеллект» в сути (именно в своей сути, а не только в неких ныне существующих формах) представляет собой всего лишь самообучающуюся машину. Все его так называемые «электронные мысли» – это на самом деле наши собственные, вполне человеческие мысли, почерпнутые у нас (людей) самообучающейся (в смысле – самостоятельно ищущей, накапливающей и систематизирующей находящуюся в глобальной сети «Интернет» информацию) машиной – машиной и еще раз машиной (разумеется, в смысле машины электронной, а не классической, механической). Проще говоря – даже если уровень такого рода «поисковой системы» будет в некоем гипотетическом будущем

в десятки или даже сотни миллионов раз превосходить способности, например, СПС «КонсультантПлюс» – электронно-цифровая машина (даже являясь нейросетью) никогда не станет не то что равной, но даже хотя бы подобной человеческому интеллекту (прежде всего – в силу принципиальной невозможности воспроизведения в электронных сетях свойственных человеку нелинейных моделей мышления).

Да, разумеется, нейросети, - на основе обучения по «человеческому» материалу – начинают выстраивать свои собственные конструкции (в т.ч. и текстуальные). Однако соответствующие конструкции, хотя и не заимствуются напрямую из помянутого выше материала, в сути своей все равно остаются лишь продуктом «машинной обработки» мыслительных конструкций, созданных homo sapiens. В принципиальном (подчеркиваю – именно в принципиальном) плане наборы генерируемых нейросетями текстов не отличаются от формируемых на основе т.н. «интеллектуального поиска» традиционных для специалистов-юристов текстуальных «наборов выдачи» информационно-поисковых систем и баз данных правовой информации. «...сказать, что эти [нейросетевые] технологии могут создавать что-то ... новое, нельзя ... все результаты – это компиляция из множества данных, на которых обучили модель» [4]. Как верно отмечает известнейший отечественный футуролог С. Лукьяненко: «Нейросеть не сможет заменить человека при написании текстов, поскольку «не умеет писать текст», а может лишь «имитировать написание», компилируя тексты из открытых источников [5]. Нейросети «обучены» для того, чтобы «не писать, а просто компилировать чужие тексты» [6]. На деле же значимой, по мнению специалистов, является способность нейросетей не к созданию собственных текстов, а к сравнению потенциально неограниченных массивов созданных людьми текстов с «эталонными [в том числе с юридической точки зрения] образцами», на которых обучалась та или иная «ИИ-модель» [4].

Отсюда вытекает, на мой взгляд, первое и самое принципиальное основополагающее начало использования нейросетевых систем обеспечения и законности в целом и контроля за соблюдением пределов свободы массовой информации – в частности. Любые обретающие правовую силу решения (акты) таких систем должны иметь обязательную возможность подтверждения либо неподтверждения этих решений людьми. В идеале эта возможность должна носить как управленческий, так и судебный характер.

Иными словами, если в рамках применения какого-либо возможного для использования в отечественных органах публичной власти функционального аналога, например, разработанных на Западе интеле-

---

рактивных систем оценки наличия (в текстах, в т.ч. в предлагаемых для публикации в медиа) нарушений норм, запрещающих, к примеру, hate speech (примерным аналогом этого понятия в его нормальном виде в отечественном юридическом языке является термин «пропаганда ненависти и вражды»), выводы делает сама система [7], то должна иметься и возможность юридически значимой верификации этих выводов конкретным уполномоченным лицом (человеком), а равно – и возможность оспаривания такой оценки перед (человеческим же) судом. Кстати, интересно, что, например, в Индонезии предлагаемая местными учеными система электронного контроля соответствия содержания сообщений в медиа-сетях индонезийскому «Закону об информационной деятельности...» дает хоть и ненамного, но все же меньшую точность, чем помянутая выше система контроля содержания сообщений, который могут осуществлять сами пользователи сетей (в т.ч. в предварительном, интерактивном порядке) [8].

Вторым значимым основополагающим началом является необходимость строгого соблюдения в сфере применения электронных (в т.ч. нейросетевых) систем обеспечения контроля за соблюдением пределов свободы массовой информации принципа конституционно-правовой ориентированности их работы. Это касается, прежде всего, вопросов о том, на проверку какого именно содержания должны быть ориентированы соответствующие электронные системы – или, иначе говоря, выявлению каких именно нарушений (противоречий) должны быть «обучены» соответствующие нейронные сети. Представляется очевидным, что с точки зрения законодательства о СМИ это должны быть, прежде всего, противоречия с положениями статьи 4 («Злоупотребление свободой массовой информации») Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации», а с конституционно-правовой точки зрения – прежде всего противоречия положениям Преамбулы Конституции Российской Федерации (в которой в наиболее сжатом, концентрированном виде закреплена квинтэссенция основных, базовых конституционных ценностей нашего Отечества).

Полагаю целесообразным также отметить, что выход за указанные выше нормативно-интерпретационные пределы на нынешнем этапе использования обсуждаемых электронных систем контроля представляется автору настоящей статьи нежелательным (в том числе и в силу почти неизбежного нарушения в случае соответствующего расширения «нейросетевого охвата» базового для правоприменения в сфере масс-медиа принципа правовой определенности).

И наконец, в-третьих, необходимо создание надежного механизма соблюдения гарантированного статьей 29 Конституции Российской Федерации и статьями 1 и 3 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» принципа недопустимости цензуры. Цензура, как известно, *de lege lata* представляет собой предъявляемое неууправомоченными лицами требование предварительного согласования сообщений и материалов. В силу этого представляется целесообразным означить позицию о необходимости закрепления возможности придания выводам предварительной (до-публикационной) оценки сообщений и материалов специализированными электронными системами определенного рода юридического значения [1]. При этом стоит отметить, что данная электронная оценка соблюдения правовых требований в современных условиях может быть почти моментальной и никоим образом не замедляющей процесс работы масс-медиа (соответствующий принцип уже реализован в зарубежных системах, о которых вкратце говорилось выше). Разумеется, авторы (в т.ч. журналисты) и редакторы (в т.ч. главные редакторы) СМИ ни при каких условиях не утрачивают право не соглашаться с полученным результатом и публиковать материалы без учета его положений. Однако в таком случае электронно-документированная предварительная оценка может (и должна) приобретать статус (как минимум) электронного аналога экспертного заключения и, соответственно, при необходимости использоваться (причем всеми заинтересованными сторонами) в качестве одного из доказательств (в том числе по делам о вынесении предупреждений, приостановлении и прекращении деятельности СМИ). Разумеется, подобного рода идеи требуют нормативного закрепления как минимум как в применимом административном регламенте [9], так и в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации, а как максимум – в информационном законодательстве Российской Федерации (в том числе и в Законе РФ «О средствах массовой информации»). Разработка нормативных форм такого закрепления станет одним из ключевых направлений развития как отечественного, так и всего мирового медиа-права.

Список литературы:

1. Балытников, В.В. Административно-правовые проблемы создания нормативных культурно-информационных стандартов / В.В. Балытников // Правовая политика и правовая жизнь. – 2022. – № 2(88).
2. Международная парламентская конференция «Россия-Африка». Круглый стол на тему: «Неделимая безопасность: возможности и вклад парламентов». – URL: <http://duma.gov.ru/multimedia/video/events/85629/>

3. Что такое ИИ? Подробнее об искусственном интеллекте. – URL: <https://www.oracle.com/cis/artificial-intelligence/what-is-ai/>

4. Карасёва, Е. Поймали в нейросети: что такое генеративный ИИ и почему он появился везде / Е. Карасёва // Известия. – 2023. – 22 янв. – URL: <https://iz.ru/1457606/ekaterina-karaseva/poimali-v-neiroseti-chto-takoe-generativnyi-ii-i-pochemu-poiavilsia-vezde>

5. Сергей Лукьяненко о том, смогут ли нейросети заменить писателей. – URL: <https://info24.ru/news/mnogie-knigi-napisany-slovno-kofemolkoj-sergej-lukyanenko-ocenil-zamenit-li-nejroset-pisatelya.html>

6. Шахова, М. Как использовать ChatGPT в работе с контентом: разбор плюсов и минусов / М. Шахова. – URL: <https://www.e-xecutive.ru/management/marketing/1996036-kak-ispolzovat-chatgpt-v-rabote-s-kontentom-razbor-plusov-i-minusov>

7. Meet Mehta, Dhruv Gada, Riddhi Sharma, Khushi Chavan, Pratik Kanani, Boukhari Mahamat Issa. Detection of Hate Speech Texts Using Machine Learning Algorithm // Offense Detection Using BERT and CNN, 2022 IEEE 3rd Global Conference for Advancement in Technology (GCAT), pp.1-5, 2022. – URL: https://www.researchgate.net/publication/359027708_Detection_of_Hate_Speech_Texts_Using_Machine_Learning_Algorithm

8. Prasetyo, Vincentius Riandaru, Samudra, Anton Hendrik. Hate speech content detection system on Twitter... // AIP Conference Proceedings 2470, 050001 (2022). – URL: <https://aip.scitation.org/doi/abs/10.1063/5.0080185>

9. Об утверждении Административного регламента осуществления Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций государственного контроля (надзора) за соблюдением законодательства Российской Федерации в сфере средств массовой информации : приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 17 мая 2019 г. № 100 // СПС «КонсультантПлюс».

В завершение настоящей статьи автор хотел бы выразить благодарность своему ученику, коллеге и другу, старшему преподавателю НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге Я.В. Болдинову, выступившему в качестве научного редактора данного материала.